

А.И. Журавлева

«Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»

Это была первая поэма, которую Лермонтов опубликовал (в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”»), цензурный запрет был преодолен с помощью Жуковского). Поэму Лермонтов включил и в свой единственный прижизненный поэтический сборник «Стихотворения М. Лермонтова».

В лирике поэта мотив противопоставления яркого героического прошлого как времени цельных и сильных людей и современности — один из наиболее важных. Это наблюдение верно и в отношении творчества Лермонтова в целом. В его романе этот мотив усложнится, обретет философскую глубину, в поэме из эпохи Грозного он предстает с наибольшей очевидностью.

Интерес к устному народному творчеству как важнейшему источнику национальной литературы впервые возникает именно у романтиков. Недаром многие из них стоят у истоков фольклористики своих стран. В России в эпоху Лермонтова тоже появляется интерес к народной поэзии. В это время начинают собирать и записывать песни, пословицы, поговорки, к фольклорным мотивам обращаются многие писатели. Именно в тридцатые годы появляются стихотворные обработки народных сказок у Жуковского, Пушкина.

Фольклорным источником лермонтовской поэмы считают так называемые «исторические песни» об Иване Грозном. Исторические песни — особый фольклорный жанр, повествующий не о мифических героях, как былины, а о реальных деятелях истории, хотя описанные в исторических песнях события обычно приобретают легендарный характер. Однако говорить о прямой связи лермонтовской поэмы с историческими песнями об Иване Грозном можно лишь в одном отношении: в обоих случаях царь освещен сходным образом. Он страшен, подозрителен, но по-своему справедлив, щедр к своим приближенным и держит слово.

С другой стороны, можно обнаружить и иной, несколько неожиданный литературный образец, который имел значение для организации сюжета и системы персонажей в этой поэме, — исторический роман Вальтера Скотта. Именно этот писатель создал очень популярный в европейской литературе тип романа, где судьбы вымышленных персонажей, частных людей прошедших эпох не просто разворачиваются на фоне исторических событий, но прямо пересекаются с судьбами подлинных исторических деятелей и непосредственно зависят от них. Так и в поэме Лермонтова действует царь Иван Грозный, решающий судьбы вымышленных героев — опричника Кирибеевича и купеческой семьи Калашниковых.

Повествование поэмы строится в сложной временной перспективе: оно ведется от лица гусяров, которые тешат этой песней «боярина Матвея Ромодановского» и православный народ, получают за свое исполнение подарки и угощение в течение трех дней и трех ночей. Повествуют же они о легендарных событиях, случившихся в прежние времена, при царе Иване Васильевиче и при его непосредственном вмешательстве. Вымышленный персонаж Кирибеевич «укоренен в истории» с помощью упоминания реальных лиц: он из рода Малюты Скуратова, приближенного палача и руководителя сыска при Иване Грозном. Наконец, существует еще и «время читателя» этой поэмы — лермонтовское время, которому мысленно противопоставляются события и персонажи поэмы. А теперь еще, наверное, и наше с вами время, как и время нескольких поколений читателей до нас. Понятия «глубь веков», «глубины истории» становятся буквально осязаемыми, получают конкретное наполнение.

Поэма начинается обращением гуслиаров-исполнителей «Песни» к одному из ее героев — царю Ивану Васильевичу:

Ох ты гой еси, Царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы...

Далее текст делится на три части, действие каждой из них разворачивается в другом месте: первой — в палатах царя за пиршественной трапезой, второй — в лавке и в доме купца Калашникова — уже здесь пространство расширяется и появляется зимняя вечерняя Москва:

За Кремлем горит заря туманная,
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица, распеваячи...

И когда Калашников направляется из своей лавки в Гостином дворе домой, в Замоскворечье, картина постепенно делается все более темной и мрачной. Хозяйка не вернулась из церкви, дети плачут, свеча перед иконой еле мерцает, хозяин у окна с тревогой смотрит на улицу:

А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Со второй части в поэме словно бы появляется еще одно действующее лицо — зимняя Москва. С ней кровно и родственно связан Калашников и его семья, осиротевшая Алена Дмитриевна, у которой остался на белом свете лишь младший брат, «дитя малое, неразумное», и младшие братья Калашникова, за которыми он посылает «во темную ночь морозную», узнав о нанесенной жене обиде.

В поэме очень важен образ дома и семьи, крепкого рода, дорожащего своей честью и с любовью признающего над собой власть старшего — а таковым волею обстоятельств для всех Калашниковых является старший брат Степан Парамонович. Не царский дворец и пирующие опричники, а мирный замоскворецкий дом — сердцевина московской жизни, здесь хранятся ее исконные устои, защищать которые герой намерен «на Москве-реке при самом царе». Он зовет братьев в случае своей гибели выйти за святую «правду-матушку».

Наконец, третья часть переносит действие сперва на Москву-реку, потом на Лобное место. Уже не дом, а город, и не семья только, а весь московский люд становится свидетелем последнего акта развернувшейся перед слушателями трагедии. Эта часть начинается картиной утренней зари, разыгравшейся над праздничной Москвой: ведь кулачный бой — это пока игра и молодецкая забава, никто, в том числе и лучший царский боец Кирибеевич, еще не подозревает, что Калашников задумал биться насмерть за честь рода, который опозорил «злой опричник царский Кирибеевич». И когда Кирибеевич спрашивает своего противника об имени, «чтобы знать, по ком панихиду служить», — это еще не более чем ритуальное поддразнивание; ведь кулачные бои вовсе не предполагали смертельного исхода. Лишь узнав имя своего противника и услышав от него:

«...Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын,
Вышел я на страшный бой, на последний бой!» —

побледнел в лице Кирибеевич, «как осенний снег».

В сцене казни Калашникова пространство снова сужается, здесь нет картины города, упомянута лишь площадь (без всяких описаний), Лобное место и палач, да тревожный звук:

Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.

И только когда совершается казнь и кончается земной путь героя, снова появляется Москва и простор:

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской...
<...>
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.

Зачин поэмы адресован одному из ее героев, каждая часть отделяется от следующей припевом:

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

Завершает последнюю главу картина могилы героя, которую не забывает народ, а всю поэму — припев, обращенный к гуслирам.

Поэма Лермонтова, глубоко почувствовавшего и использовавшего поэтичность народного словесного искусства, тем не менее не была стилизацией — подделкой под какой-либо фольклорный жанр или под свойственное фольклору отношение к миру, где всегда четкое разделение добра и зла, явное противостояние положительных и отрицательных героев, ясная логика вины и воздаяния. Лермонтовская поэма, скорее, создает некий образ народной легенды о сильных и ярких, до конца отстаивающих свою правду людях прошлого. Но при внимательном чтении можно увидеть мотивы, характерные для Лермонтовской лирики, прежде всего мотив рокового взаимного непонимания, непроходимой границы, пролегающей между героями, каждый из которых принадлежит своему миру и не имеет никакой надежды быть понятым другими. Кирибеевич с гордостью говорит о себе:

Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюсь Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...

Однако Алену Дмитриевну эта речь нисколько не успокаивает, напротив: «Испугалась я пуще прежнего», – говорит она. Опричник и родня Малюты для нее страшнее «душегуба лесного».

Тем не менее страсть Кирибеевича, незаконная и нечестная с точки зрения всех устоев и обычаев патриархального мира, в то же время искренняя и глубокая. Он таит ее обстоятельства от Грозного («Обманул тебя твой лукавый раб»), не признаваясь, что полюбил замужнюю женщину. Но он же идет из-за нее на гибель, не выдавая прямого признания Калашникова в намерении биться насмерть, то есть нарушить обычай кулачного боя. Смерть Кирибеевича описана не так, как описывается в фольклоре гибель врага, а с глубоким сочувствием:

Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.

Так оказывается пророческим иронический вопрос царя на пиру:

Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?

Признаваясь в намеренном убийстве верного слуги царя, Калашников не открывает истинной причины своего поступка, не признавая за царем права узнать позорную, как он полагает, тайну, о которой готов поведать только «Богу единому».

Таким образом, жестокая казнь оказывается как бы справедливой; поскольку царю неизвестна вина Кирибеевича, смерть Калашникова названа не только «лютою», но и «позорною», как смерть преступника. И все же «правда-матушка» торжествует как бы помимо

всех логических резонов, и безымянная могила «преступника», хоть и отмеченная «кленовым крестом», но все же находящаяся не в церковной ограде, не в освященной земле, не забыта:

И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Поэма Лермонтова в отличие от всех известных жанров русского классического фольклора основана на трагическом конфликте. Никто из героев не в силах преодолеть обстоятельств, неотвратимо влекущих действие к катастрофе. Финал поэмы обладает важнейшим свойством подлинной трагедии, которая со времен античности называется катарсисом. Катарсис — просветление, которое читатель испытывает под влиянием пережитого им чувства страха и сострадания к героям, ощущение конечного торжества некой правды, более высокой, чем житейская.